
О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФСКОГО И СПЕЦИАЛЬНО-НАУЧНОГО

В.И. Метлов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Статья посвящена характеристике условий, определяющих взаимоотношения между специально-научным познанием и философией; уяснению роли отношений «субъект-объект», «материальное-идеальное» в этом процессе; характеристике возникающих в процессе познания кризисных ситуаций, перспективам их преодоления.

Ключевые слова: кризис, антиномия, субъект, объект, детерминизм, объяснение, понимание, предмет, движение.

Каким бы образом ни относиться к творчеству Эрнста Маха, к тем результатам, которые получены им в той или иной области, следует сказать, что современный облик философии науки восходит в конечном итоге именно к творчеству этого австрийского физика и философа. Более того, следует отметить, что его понимание роли истории в деле исследования структур научного знания делает его более современным, чем некоторые методологические работы наших дней, а опыты исследования целостности и оснований знания – не только физики, но и психологии – говорят о его стремлении к единой науке, о положениях, определивших работы логических эмпириков (позитивистов) Вены и Берлина. А. Ауер определял логический эмпиризм через формулу «махизм + математическая логика».

Дисциплина, называемая философией науки, возникает в условиях кризиса науки, то есть утраты прежнего видения предмета («материя исчезла» – «сознание испарилось»). Эта утрата предмета осуществляется в основе своей в соответствии с определенной логикой развития отношений «субъект-объект», «материальное-идеальное». Кризис, в сущности, оказывается вовсе не состоянием хаоса, – имея свою логику, он приводит в итоге к распаду некоего единого целого на то, что может быть названо неподвижным предметом, и на нечто, связанное с движением или его условиями; в свою очередь, лежащий в основе названного распада распад на объективное и субъективное, материальное и идеальное оказывается тем фундаментальным, что лежит в основе возникновения самых различных дилемм (эмпирическое-теоретическое, обосновательное-методологическое, предмет без движения – движение без предмета, история прогресса – история смысла). Это обстоятельство хорошо иллюстрируется четырьмя столкновениями кантовской антиномии чистого разума, тезисы которых представляют априоризм (рационализм), а антитезисы – эмпиризм, но оно находит также свое выражение в становлении глобальных философских, может быть, лучше сказать, методо-

логических направлений, таких как логико-аналитическое и феноменологическое. Описанное положение дел было корректно усмотрено уже И.Г. Фихте, его достаточно ясно представляет себе М. Хайдеггер; в историческом материализме этого рода ситуация рассматривается сквозь призму отношений «субъект-объект», «идеальное-материальное». Кстати, хотелось бы подчеркнуть, что для характеристики общетеоретической позиции Маркса-Энгельса достаточно обозначения «исторический материализм»: в этом наименовании находит опять-таки выражение направление решения возникающей задачи соединения движения и предметной, вещной реальности.

Критиком подходов, которые лишь фиксировали ситуацию кризиса, видя его причину в самом отношении «материальное – идеальное», а потому пытавшихся разрешить вставшие проблемы, отбросив названное отношение, мог бы выступить уже И.Г. Фихте. «Абсолютное единство также мало может полагаться в бытии (Sein), как и в противостоящем ему сознании (Bewusstsein); также мало в вещи, как и в представлении вещи; но в том как раз и открыто нами принципе абсолютного единства и неразделимости (Untrennbarkeit) обоих, который одновременно, как мы также видели, является принципом обособления (Disjunktion) обоих; и который мы хотим назвать чистым знанием, знанием в себе, тем самым знанием совершенно о ни каком объекте, ибо в этом случае оно не было бы знанием в себе, но нуждалось бы для своего бытия в объективности; в отличие от сознания, которое всегда полагает бытие, а потому представляет лишь половину. – Это открыл как раз Кант и тем самым стал основателем трансцендентальной философии. Наукоучение является трансцендентальной философией, так же как кантовская, в том ей совершенно подобна, что полагает абсолютное не в вещи, как прежде, и не в субъективном знании, что, собственно, невозможно, ибо тот, кто вспоминает о втором члене, тот всегда имел бы и первый; – но в единстве обоих» [1. S. 12–14]. Это из *Наукоучения 1804*, которое, по собственному пояснению Фихте, следует рассматривать как законченную (durchgeführte) первую философию (philosophia prima) и которому исследователем придается выдающееся значение.

В лекциях, посвященных проблеме вещи, М. Хайдеггер в нескольких пунктах фактически повторяет Фихте, критикуя современное состояние философии: «Мы обращены или к тому, что говорится о самом объекте, или к тому, что обсуждается относительно способов его бытия в опыте (aux modes de son expérience). Но то, что является решающим, это не рассмотрение одной стороны, не рассмотрение другой, и не рассмотрение обеих сторон сразу, но признание и знание:

- 1) что мы должны все время двигаться в межумочности (entre-deux), между человеком и вещью;
- 2) что эта межумочность представляет собой, тем не менее, то, в чём мы движемся;
- 3) что эта межумочность не является чем-то натянутым, вроде струны, между вещью и человеком, но что этот интервал в качестве пред-

схватывания распространяет свое действие за пределы вещи и в то же время в движении возвращения он распространяет свое действие на то, что позади [2. Р. 249].

Заметим, что описываемое Хайдеггером положение вещей у Гегеля в «Феноменологии духа» выражено и проще, и детальнее как развитие отношений между предметом и понятием.

Трудности, связанные с возникновением антиномичности в различных отраслях познания, и прежде всего в таких, которые представлялись и в научном и обыденном сознании как образец рациональности, не могли не восприниматься иначе как интеллектуальная драма. Участниками этих драматических событий довольно ясно виделись философские составляющие этих событий: специально-научный материал выступил, соприкасаясь с материалом собственно философским.

Понимание того, что в основе возникшего затруднения лежит определенное отношение субъективного и объективного, материального и идеального в той или иной мере осознается участниками отмеченной интеллектуальной ситуации. Но первые попытки преодолеть затруднения были попытками устранения метафизики, философии, именно того в философии, что характеризовалось в качестве её основного вопроса; что представлялось ответственным за возникшие трудности, характеризовалось фактически как опосредствованный характер базисного знания в философии, задачей было поставлено нахождение, открытие непосредственно данного уровня знания. Отсюда и борьба с опосредствованием. Стремление избавиться от характеризующейся как органически связанной с опосредствованием философии (сущность философии – опосредствование, сущность христианства – парадокс – С. Кьеркегор) и выйти к непосредственному (заметим, что отбрасывание основного вопроса философии, вопроса об отношении «материальное-идеальное», то есть основной философской, метафизической проблематики, и опыт выхода к непосредственному – это один шаг) сделали антитезы современного познания только более отчетливыми.

Эти проблемы оказались нерешенными, точнее сказать, не решаемыми вне рамок эволюционного, исторического подхода, который, в свою очередь, возможен единственно при определенном понимании материального, предметности.

В этом отношении полезным представляется обратить внимание на основополагающие интенции и концептуальные средства, которыми располагают основные философские направления наших дней, а именно логико-аналитическое и феноменологическое, для разрешения возникающих в определенных периоды кризисных ситуаций. Приведенные ниже положения не исчерпывают, разумеется, содержания каждого из названных направлений, но дают представление об их возможностях корректного решения вопросов, вставших в настоящее время. Приведенные соображения, казалось бы, канувших в прошлое представителей логического эмпиризма призваны, в частности, показать, что ими поставлены чрезвычайно важные проблемы, зна-

чимось постановки которых этими авторами в наши дни только начинает осознаваться, а именно проблема оснований знания и проблема единой науки.

«Научное миропонимание (*Weltauffassung*) не знает *никаких неразрешимых загадок*. Прояснение традиционных философских проблем приводит к тому, что они частью разоблачаются как кажущиеся проблемы, частью преобразуются в эмпирические проблемы и тем самым переходят в ведение опытной науки, в этом прояснении проблем и высказываний и состоит задача философской работы, а вовсе не в создании собственных “философских” высказываний» [3. С. 62-63]. «Мы охарактеризовали *научное миропонимание* в основном посредством *двух определяющих моментов*. *Во-первых*, оно является *эмпиристским и позитивистским*: существует только опытное познание, которое основывается на том, что нам **непосредственно** (выделено нами. – *В.М.*) дано (*das unmittelbar Gegebene*). Тем самым устанавливается граница содержания легитимной науки. *Во-вторых*, для научного миропонимания характерно применение определенного метода, а именно метода *логического анализа*. *Применяя логический анализ к эмпирическому материалу, научная работа стремится к достижению своей цели, к единой науке*. Поскольку смысл каждого научного высказывания должен быть установлен посредством сведения к какому-нибудь высказыванию о *непосредственно* данном (*das Gegebene*), то и смысл каждого понятия, к какой бы отрасли науки оно ни принадлежало, должен быть установлен посредством пошагового сведения к другим понятиям, вплоть до понятий самой низшей ступени, относящихся к *непосредственно данному* (курсив наш. – *В.М.*)» [Там же].

Это стремление к непосредственному знанию как к той данности, которая обеспечивает единство науки, характерно и для направления феноменологического, оппозиционного по отношению к логическому эмпиризму. Достаточно вспомнить в этом отношении Э. Гуссерля, который, правда, не употребляет термин непосредственное знание, но говорит о прямом знании: «Ввиду того, что в наиболее влиятельных науках нового времени, а именно математически-физикальных, большая часть работы совершается согласно непрямым методам, мы слишком склонны переоценивать не прямые методы и недооценивать значение прямых постижений. Но по самому существу своему, поскольку она направляется на последние начала, философия в своей научной работе принуждена двигаться в атмосфере прямой интуиции, и величайшим шагом, который должно сделать в наше время, является признание того, что при философской в истинном смысле интуиции, при феноменологическом постижении сущности открывается бесконечное поле работы и такая наука, которая в состоянии получить массу точнейших и обладающих для всякой дальнейшей философии решительным значением познаний без всяких косвенно-символизирующих и математизирующих методов, без аппарата умозаключений и доказательств» [4. С. 56].

Выведение основного вопроса философии – а именно с этим мы имеем дело в обоих основных направлениях современной философии – за пределы

специальной науки сразу делает внешним философствование над той или иной наукой. Как следствие, к собственно философскому начинают относить едва ли не все то, что не является специально-научным.

Заметим, что в логическом позитивизме познавательное движение осуществляется как движение от объекта (от физикальных наук, как мог бы выразиться Гуссерль, точнее, его переводчик на русский язык), а в феноменологии, напротив, – от субъекта, от психологии. Соответственно, кризис науки позитивистами рассматривается в основном на примере физики, а феноменологами – на примере психологии. Отношение «субъект-объект» образует тот фундаментальный каркас, в границах которого осуществляется движение познания и изменения которого оказываются существенными для понимания процесса. Базисная антитеза современной философии оформилась, таким образом, как антитеза объектного и субъектного. Очевидное, почти банальное, замечание представляется важным в деле характеристики направления будущего синтеза соперничающих в настоящее время философских концепций.

Статья Гуссерля, о которой только что шла речь, относится к началу XX столетия, но мы можем обратить внимание на труд Ж. Деррида «О грамматологии» (1967) [5], этой феноменологии французского мыслителя, где идея непосредственного знания представлена приоритетным положением письма (*écriture*) по отношению к речи (*parole*).

Поначалу имеет место распад на логический эмпиризм & феноменологию по линии «объективное-субъективное», затем распад такого же рода опять-таки по линии «субъективное-объективное», но уже затрагивающий каждое из образовавшихся направлений: аналитическая традиция – на логический позитивизм и постпозитивизм, феноменологическая традиция – на прямой путь к бытию (онтология может быть только феноменологией – М. Хайдеггер), объективность, с одной стороны, и необходимость теории познания интерпретации – с другой.

Названное положение дел нашло свое выражение в формировании соперничающих направлений в специальных отраслях научного знания: в психологии, в исследованиях сознания, в частности, это оформилось в виде противостояния бихевиоризма и интроспекционизма, в настоящее время в виде аналитической традиции и традиции феноменологической, в основаниях математики – как формализм и интуиционизм, в эволюционной теории в биологии как противостояние Линнея и Дарвина и, далее, менделизма и дарвинизма, в химии существовало некоторое время как противостояние структуралистских воззрений и воззрений динамических, в физике – это корпускулярно-волновой дуализм, в истории – история прогресса и история смысла, в лингвистике – замечательно точно выраженное Платоном понимание необходимости выделить имя (предмета) и глагол (действие, движение) [б. С. 335–337] и Р. Якобсоном, подчеркнутым, что всякий лингвистический знак расположен на двух осях, оси одновременности и оси последовательности, в экономике – меркантилизм и физиократия.

Механизм формирования антиномичности хорошо показан И. Кантом в ходе анализа им столкновений антиномии чистого разума. С замечательной точностью этот механизм воспроизводится в основаниях специальных дисциплин. Поясняя условия возникновения столкновений антиномии чистого разума, Кант пишет: «Мы видели здесь всю диалектическую игру космологических идей, которым не может быть дан соответствующий предмет в возможном опыте и которые даже не допускают, чтобы разум мыслил их согласно с общими законами опыта, хотя они вовсе не вымышлены произвольно, и разум необходимо приходит к ним в непрерывном ряду эмпирического синтеза, если хочет освободить от всякого условия и обнять во всей безусловной целостности то, что по правилам опыта всегда может быть определено только условно (курсив наш. – В.М.)» [7. С. 286]. Мышление целостности (тотальности) средствами, принадлежащими этой целостности, необходимо ведет к возникновению антиномической ситуации. Парадоксы оснований математики, теории множеств, достаточно точно иллюстрируют общие положения Канта.

Общие черты процесса разрешения антиномичности заданы последующим за Кантом развитием диалектики (философии) в работах Фихте, Шеллинга, Гегеля и, далее, в историческом материализме: они, эти общие черты, резюмируются в утверждении необходимости последовательного проведения, более последовательного, чем у Канта, принципа активности субъекта или того, что соответствует субъекту во внешней человеку реальности. Активность субъекта в процессе порождения им изучаемой реальности распространяется у Канта единственно на априорное знание, следствием же этой ограниченности понимания роли субъекта в процессе познания является то, что столкновения антиномии чистого разума оказываются столкновением априоризма и эмпиризма. Уже у Фихте и апостериорное также оказывается фактически продуктом деятельности субъекта, а потому отношения эмпирического и теоретического уже не носят характера антиномичности, но оказываются взаимно проникающими друг друга, формируя диалектическое противоречие. В историческом же материализме (материалистической диалектике) мы имеем дело с практикой общественного человека, формирующего изучаемую им реальность и, следовательно, конституирующего реальность, которая является субъективно-объективной или объективно-субъективной. В каждом случае антиномичности должно быть найдено такое понятие, которое способно, как выразился бы Гегель, выдерживать антиномические до определенного времени отношения, противоречие. Такие понятия были найдены в политической экономии (теория стоимости), в эволюционной биологии в понятии вида, объединившем менделизм и эволюционизм, в основаниях математики в виде понятия переменного множества¹, в физике, например, попытка снятия корпускулярно-волновой анти-

¹ Здесь полезно обратить внимание на то обстоятельство, что движению в направлении синтеза предшествовало развитие обосновательных исследований в радикально противоположных направлениях, описанных в литературе как конфликт формализма и

тезы представлена опытом Луи де Бройля введения понятия «волна-пилот» [9. Р. 94]. Аналогично дело, кажется, с соответствующими модификациями будет обстоять и в других областях: важно обнаружить тот общий корень, из которого произрастают столкновения антиномии, а таковым корнем оказывается в конечном итоге практическая деятельность, определенный тип возникающих при этом отношений субъекта и объекта, материального и идеального. В качестве общей тенденции, вырисовывающейся в настоящее время и реализованной уже в некоторых дисциплинах, выступает тенденция к синтезу: однако для синтеза материал должен быть подготовлен предшествующим развитием в отдельных, до определенного момента антагонистических направлениях, должен достигнуть вполне определенной зрелости. Возникающее единство оказывается единством динамическим, динамизм которого объясняется возникшей в ходе синтеза диалектической противоречивости. Опять-таки Фихте дает начальное представление о становлении аутентичного видения процесса преодоления антиномичности, преодоления разлученности обосновательного момента и момента, характеризующего метод: в его главном труде «Наукоучении» названной разлученности уже нет. Временной параметр оказывается не привносимым в вещь в себе извне (как это имеет место у Канта), но является собственным содержанием вещи, определяемым определенными особенностями вещи.

То обстоятельство, что возникающие в настоящее время антиномические ситуации носят кантовский характер по своему происхождению и по своей структуре, делает совершенно естественным обращение к названной выше посткантовской теоретической традиции (Фихте, Шеллинг, Гегель и, далее, исторический материализм), в рамках которой кантовские антиномии были фактически разрешены. Разумеется, это обстоятельство не делает более легкой задачу разрешения любой из возникших в специально-научном познании антиномий, но лишь обращает внимание на общие черты подхода к решению проблемы, но это результат, которым, представляется, никоим образом не следует пренебрегать.

Полезно обратить внимание на следующее обстоятельство: обнаружение антиномичности иногда рассматривалось как итог развития диалектиче-

интуиционизма. Л. Брауэр описывает его следующим образом: «...старая формалистическая школа (Дедекин, Кантор, Пеано, Гильберт, Рассел, Цермело, Кутюра) в конечном итоге в видах строгой трактовки математики и логики (хотя и не в видах выбора предметов исследования в этих науках) отвергала всякий внешний по отношению к языку и логике элемент. Тем самым логика и математика были лишены этой школой как их существенного различия, так и их автономии. ...Первый акт интуиционизма полностью отделяет математику от математического языка, в частности, от феноменов языка, которые описаны теоретической логикой, и признает, что интуиционистская математика является существенно безъязыковой деятельностью ума, имеющей свое происхождение в восприятии *движения времени*, то есть в распаде жизненного момента на две отличающиеся вещи, одна из которых дает дорогу другой, но удерживается памятью. Если двоичность (two-ity), рожденная таким образом, лишена всех свойств, то остается пустая форма общего субстрата всех двоичностей. Именно этот общий субстрат, эта пустая форма является базисной интуицией математики» [8. Р. 139–140].

ского, теоретического, познавательного движения, как итог познания. Нет ничего более ошибочного, антидиалектического, чем остановка в развитии познания на зафиксированной антиномичности. Диалектическое, по существу, развитие должно состоять в развитии каждой из сторон до такой степени, когда эта сторона обнаруживает достаточную зрелость в своем развитии, что сводится к появлению в ней её собственной противоположности. Эволюционная биология, которой, кажется, предстоит стать парадигмой современного научного познания, как это имело место с физикой во времена Канта, представляет в этом отношении совершенно замечательный материал: «...все генетики, начиная с Негели и Вейсмана и до Бэтсона включительно, потерпели неудачу в опытах развития успешной теории наследственности, потому что они пытались объяснить одновременно наследственность (передачу генетического материала от поколения к поколению) и развитие... Гений Моргана состоял в том, что он оставил в стороне все вопросы физиологии развития (хотя и сам он пришел из эмбриологии) и сосредоточился строго на проблемах передачи» [10. P. 832].

Другой пример дается основаниями математики: говорить о диалектическом синтезе формализма и интуиционизма оказалось возможным единственно тогда, когда авторы формалистических программ построили язык метаматематики, по своей строгости не уступавший интуиционистскому, а интуиционизм должен был, хотя бы в интересах возможности полемизировать с формализмом, формализовать свою логику, построить *свою* логику, интуиционистскую.

Итак, в качестве первоначального результата реакции на кризисное состояние науки мы получаем распад исследований на исследования предмета и исследования движения (развития, истории). Формирование антиномичности: тезис – предметность, антитезис – движение или его условия. Распад метанаучных исследований на обосновательные и методологические. В этом распаде реализуется кантовская парадигма, которая в данном случае отмечена противопоставлением обосновательного элемента и элемента, связанного с развитием. Структура кантовских «Критик» отмечена строгим различием обосновательного и методологического (трансцендентальное учение об элементах – трансцендентальное учение о методе), и это органически связано с непоследовательностью Канта в проведении принципа активности субъекта в процессе познания. Распространение принципа активности субъекта не только на априорное, но и на апостериорное (Фихте), универсализация динамики отношения предмета и понятия, практическая деятельность как деятельность формирования подлежащей изучению вещной реальности и социальных отношений, порождающих концептуальные структуры, органически связывает развитие, эволюцию с реальностью в целом. Но тем самым то, что было внешним для специально-научного материала, оказывается теперь – с последовательным проведением принципа активности субъекта – собственным содержанием изучаемой реальности. Вместе с этим в характеристику изучаемой реальности органически входит историческая ком-

понента. Следует иметь в виду, что для большинства существующих дисциплин описанного положения дел ещё предстоит достигнуть. Современная философия, как ни прискорбно это сознавать (имея в виду достижения немецких диалектиков), не находится в первых рядах движения к названной цели.

Мы имеем дело с внешним характером философствования и в случае дисциплин, сделавших своей задачей исследование предметного содержания и отстранение развития, и в случае дисциплин, обратившихся исключительно к анализу процессов развития, эволюционности. Но это положение дел исключает целостное и, следовательно, историческое видение реальности: целостность возможна лишь как динамическая целостность, аутентичное понимание динамики, эволюционности, историчности возможно лишь по достижении определенного уровня универсальности. Названный распад осуществляется по линии «субъект-объект», «материальное-идеальное», естественно, что односторонний акцент или на предмете, или на процессе исключает собственно философское из контекста исследования науки в целом. Философия науки, исключая проблематику отношения субъекта и объекта, материального и идеального, начинается как антифилософское предприятие.

Вполне определенный интерес представляет собой вопрос о том, каким образом выглядит деятельность философа (в этой роли может выступить – и это все чаще имеет место – ученый-специалист, так сказать, сам создатель определенной познавательной ситуации, в частности антиномической) по отношению к материалу специально-научного познания. Поставив этот вопрос, мы, естественно, предполагаем достаточно скептическое отношение по отношению к тем решениям этого вопроса, которые давались и в логическом эмпиризме, и той реакции на него, которая представлена постпозитивизмом. Действительно, каждое из этих направлений, сформировавшихся в рамках аналитической традиции, представляет собой односторонность; в случае логического эмпиризма акцент сделан на основания научного знания, постпозитивизм не придает значения проблеме оснований, надежности знания, подчеркивая, что его занимает лишь проблема развития, роста знания. Складывается, как можно понять из предыдущего, типично кантовская ситуация, необходимость разрешения которой предстоит ещё осознать, а также дать представление о концептуальных средствах разрешения. Нам кажется, что ответ на поставленный вопрос сводится к осознанию необходимости критики науки, то есть уяснения условий её возникновения и развития, идея дорогая для Э. Маха; мы имеем, как уже отмечалось, в настоящее время кантовский уровень науки, что определяется уровнем развития отношения «субъект-объект», характером активности субъекта и, следовательно, определенным уровнем развития антиномичности, противоречивости. Этими общими соображениями и определяется техника философствования на материале специальной науки: философ должен определить уровень философствования, представленный наукой, то есть характер отношения субъекта и объек-

та в процессе познания определенного фрагмента реальности. Этот подход фактически сделан основой периодизации развития научного познания; нам важно подчеркнуть, что преодоление представленных антиномией односторонностей означает обретение целостного предмета, включенного в процесс развития, в исторический в широком смысле слова процесс. Кантом, точнее, кантианством завершается и философия науки, и философия истории в качестве отдельно существующих дисциплин: посткантовское развитие, высветившее, в частности, человекоразмерность науки, оказалось включившим философское в материал специальной науки в качестве собственной составляющей его содержания. Но в этом случае мы будем иметь дело не с философией науки, но с философией в науке, с присутствием философии в данном случае в материале науки в снятом виде.

Не следует ожидать, таким образом, от философии науки, что она научит ученого специалиста делать открытия, но необходимо понять, что философское оказывается собственным аспектом характеристики предмета, с которым имеет дело ученый-специалист, аспектом, без которого познание этого предмета будет ущербным. С философией, с человекоразмерностью, с целостностью приходит *понимание* интересующего исследователя феномена, вещи, понимание историчности вещи (динамичность целостности). Вместе с пониманием того, что предмет науки оказывается продуктом деятельности субъекта, приходит и понимание органического присутствия философского в содержании исследуемого предмета. Первые шаги философии науки, парадоксально выражаясь, были шагами в сторону от философии, шагами устранения основного вопроса философии, шагами поиска непосредственного уровня знания. Довольно скоро была осознана несостоятельность поисков в этом направлении: нагруженность эмпирического, которое логический эмпиризм хотел бы видеть непосредственным уровнем знания, нейтральным по отношению к вопросу об отношении материального и идеального, теоретическим, априорным; феноменологии тоже не пришлось слишком долго ждать понимания того обстоятельства, что внутренний, несомненный для Декарта, опыт, как говорил Кант, возможен единственно при наличии опыта внешнего. В обоих случаях кантовское видение отношения «непосредственное-опосредствованное» оказалось перспективнее картезианского и юмовского. Но знание этого корня приводит естественным образом к пониманию перспективы разрешения антиномичности, к тому понятию, которое способно выдержать противоречие.

К. фон Вайцеккер, отвечая на вопрос о том, когда следует философствовать в науке, подчеркивал: философствовать следует в революционные периоды развития науки, и это будет условием успеха в развитии научного познания, философствование в спокойные периоды научного движения – помеха для развития науки².

² «Покамест мы решаем наши специальные проблемы в рамках какой-либо данной парадигмы, философия легко ощущается как лишь отягощение; она могла бы отклонить нас от разрешимых проблем в сторону проблем, неразрешимых для нас. Но во время кризиса,

Кризисный, революционный период развития научного познания, как уже неоднократно отмечалось, отмечен выступлением антиномии, то есть определенного рода отношением субъектного и объектного, материального и идеального. Очень нетривиальным путем приходили к осознанию невозможности освободиться от того, что в истории философии называлось основным вопросом. Между тем внимания заслуживал именно этот вопрос и его состояние, ибо именно его решение в конкретном материале означало обретение утраченной предметной реальности. Философствование над наукой при игнорировании основного вопроса философии оказывается внешним для науки, фактически не нужным ни науке, ни философии.

Конкретизируя представления о становлении послекантовского типа научности, естественно прийти к выводу, что главной проблемой оказывается здесь проблема историзма, проблема присоединения движения к предмету, проблема, вышедшая из апорий, представленных элеатами, хотя непосредственно элеатов интересовала другая задача. А. Бергсон замечал, что метафизика начинается с апорий, сформулированных в Элейской школе [12. Р. 177]. Кажется, что и в настоящее время проблема соединения движения (условий движения, времени) с предметом остается основной проблемой. «Кто характеризует сущее как *покоящееся* и может, несмотря на это, не оспаривать *движение*, должен пытаться объяснить, каким образом покой и движение, в равной мере оправданные, в принципе (*grundsätzlich*) относятся к друг другу» [13. S. 123]. Но именно на этот вопрос мы находим основу ответа у Г.В. Лейбница в «Новых опытах о человеческом разуме». Рассматривая проблему тождества и различия и возражая утверждению Локка, согласно которому одна вещь не может иметь двух начал существований и две вещи – одного начала по отношению к времени и месту, Лейбниц подчеркивает: «Помимо разницы во времени и месте должен иметься всегда *внутренний принцип различия*, и, хотя существует много вещей одного и того же рода, однако никогда не бывает совершенно одинаковых вещей. Таким образом, хотя время и место (то есть отношение к внешнему) служат нам для различения вещей, которых мы не умеем достаточно различать самих по себе, *вещи все же различимы в себе*. Следовательно, сущность тождества и различия заключается не во времени и месте, хотя действительно различие вещей сопровождается различием времени или места, *...скорее вещи должны служить нам для различения одного места или времени от другого...* в действительности всякое тело способно изменяться и даже фактически постоянно изменяется, так что оно в себе самом отличается от всякого другого тела (курсив наш. – В.М.)» [14. С. 202]. Позиция Лейбница в вопросе об от-

во время научной революции, необходимое предположительно изменение парадигмы достижимо лишь таким образом, что мы ставим именно основные вопросы, которые обыкновенно мы оставляли в стороне. Я, таким образом, сказал бы: не-философствование является условием успеха в нормальной науке, философствование является условием успеха в научной революции» [11. S. 365]. «Философский процесс в нормальной науке является помехой, во время же революций – незаменим» [Ibid. S. 381].

ношении характеристики предмета и возможности включения его в контекст развития, временности, историчности в широком значении этого слова, оказывается близкой к гегелевской и в этом смысле приближающейся к современному видению проблемы.

Наука всегда присутствовала в соображениях философов, хотя столь же распространенным было и стремление отстраниться от неё, провозглашая автономность философии. Достаточно назвать Платона с его требованием изучить геометрию прежде, чем войти в философию. В Новое время это очень впечатляюще подчеркнуто Кантом, сделавшим современную ему физику, механику Ньютона парадигмой разрешения кризисного состояния современной ему философии, нашедшего свое выражение в столкновении эмпиризма (Локк) и рационализма (Лейбниц).

Разрешение антиномической ситуации – это обретение предмета с его исторической размерностью, это обретение динамического предмета. Естественным образом это предполагает изменение представлений о детерминизме. То, что некогда осуждалось в качестве телеологии, приобретает рациональный смысл, с которым в большей степени освоились ученые специалисты, точнее, представители естествознания, чем философы и ученые обществоведы, в частности историки, расширяет наше представление о детерминизме. Пониманию рационального смысла телеологии очень способствует характеристика физиком В. Эльзассером существа биологического развития: «Мы будем понимать под биологическим процессом неустранимое смешение механизмов с индивидуальностями. Мы стремимся применить эту идею ко всем уровням биологии, начиная с высших и кончая низшими, где под низшим уровнем понимается уровень биохимической динамики» [15. Р. 140]. В работах современных авторов имеет место понимание узости, недостаточности механического детерминизма, необходимости дополнения его квазителиологическим элементом; «...причинно-механистический отчет, – пишет один из них, – опускает “направление” МЕх (механистического объяснения. – В.М.), от части к целому» [16. Р. 449]. Проблема, таким образом, решается в направлении, развитом И. Кантом в «Критике способности суждения» [17. С. 284–298] и Г.В.Ф. Гегелем в «Науке логики». Нам представляется, что с определенными модификациями эта характеристика развития может быть распространена на другие области научного познания.

Разрешение антиномии механического и целевого, – а это третье столкновение антиномии чистого разума Канта – означает разрешение противостояния объяснения и понимания. Разъединение вопросов объяснения и вопросов понимания является следствием внешнего характера философствования над наукой и одним из симптомов кризиса теоретического познания. Гегель отмечает, что отношение цели оказалось истиной механизма [18. С. 186], Х.-Г. Гадамер говорит об общем, включающем частное, как о процессе понимания: «Понимание оказывается

частным случаем применения чего-то всеобщего к конкретной и особенной ситуации» [19. С. 369]. Мы бы предпочли говорить в данном случае не об общем, но о целостном: ископаемый орган будет понят не тогда, когда его подвергнут самому изощренному физико-химическому анализу, но тогда, когда он будет отнесен к некой целостности, к организму.

Нельзя не видеть, что аутентичное вхождение философского в специально-научное исследование, введение философии в науку в качестве органической составляющей ведет к расширению наших представлений об объективной реальности, детерминизме, процессе познания, словом об онтологических и гносеологических аспектах. Этот процесс позволяет выделить в качестве самой трудной и самой главной проблемы современного познания проблему присоединения движения к предмету, предмета к движению, концептуализации этой проблемы. Вопрос этот в конечном итоге является главным вопросом современного философствования над наукой.

Акцент на субъектном факторе в критическом анализе научного познания оказывается существенно связанным с особенностями развития современного научного познания, состояния которого, в сравнении с предшествующим этапом развития научного познания, определяются именно изменениями в понимании роли субъекта в процессе познания, характера отношения между субъектом и объектом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fichte J.G.* – GA, II.
2. *Heidegger M.* Qu'est-ce qu'une chose? – Gallimard, 1971.
3. *Карпан Р., Ган Г., Нейрат О.* Научное миропонимание – Венский кружок // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. – М., 2006.
4. *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. – М.: Мусагетъ, 1911.
5. *Derrida J.* De la grammatologie. Les Editions de Minuit. – Paris, 1967.
6. *Платон.* Софист. Собр. соч.: в 4 т. – Т. 2. – М., 1993.
7. *Кант И.* Критика чистого разума. – Петроград, 1915.
8. *Brouwer L.* Historical Background, Principles and Methods of Intuitionism // South African J. of Sc. 1952. V. 49.
9. *Brogie L. de.* Recherches d'un demi-siècle. – Paris, 1976.
10. *Mayr E.* The Growth of Biological Thought. Diversity, Evolution, and Inheritance. – Harvard University Press, 1982.
11. *Weizsäcker C. von.* Zeit und Wissen. – München. Wien, 1992.
12. *Bergson H.* La perception du changement // La pensée et le mouvant. – Paris, 1934.
13. *Figal G.* Scheu vor der Dialektik // Zu Heidegger. Antworten und Fragen. – Frankfurt am Main, 2009.
14. *Лейбниц Г.В.* Новые опыты о человеческом разуме. – М.-Л., 1936.
15. *Elsasser W.M.* The role of individuality in biological theory // Towards a Theoretical Biology. 3. Drafts. – Chicago, 1970.
16. *Fagan M.B.* The Joint Account of Mechanistic Explanation // Philosophie. – 79. – October 2012.

17. *Кант И.* Критика способности суждения. – М., 1994.
18. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. – Т. 3. – М., 1972.
19. *Гадамер Х.-Г.* Герменевтическая актуальность Аристотеля // Истина и метод. – М., 1988.
20. *Мах Э.* Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. – М., 2003.
21. *Мах Э.* Анализ ощущений и отношение физического к психическому. – М., 2005.

SOME QUESTIONS CONCERNING THE INTERRELATIONS OF THE PHILOSOPHIES AND THE SCIENCIES

V.I. Metlov

The paper is devoted to an investigating of conditions which determine all the particularities of relations between sciences and philosophies; to explicating of the role of the concepts subject-object, materialist-idealist in this process; to an examination of the situations of crisis arising in the process of knowledge, to the possibilities of its sublation.

Key words: crisis, antinomy, subject, object, determinism, explication, comprehension, thing, movement.